

В чем суть русской «стихийной» конструкции (модель: *ветром сорвало крышу*)?

© 2025

Катрин Шлунд

Университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг, Германия;
katrin.schlund@slavistik.uni-halle.de

Аннотация: Так называемая «стихийная» конструкция (модель: *ветром сорвало крышу* или *солдата ранило пулей*) является одной из самых загадочных безличных конструкций русского языка. Хотя она привлекала внимание исследователей уже с XIX в., до сих пор отсутствует целостный анализ, который учитывал бы морфосинтаксические, лексико-семантические и прагматические аспекты ее употребления. Данная статья предлагает анализ «стихийной» конструкции как маркированной морфосинтаксической структуры, сигнализирующей об отклонении от прототипической каузативности. Каузативный анализ позволяет получить целостное понимание конструкции, включая метафорические употребления и другие нетипичные случаи. Все выводы основаны на эмпирических данных.

Ключевые слова: адверсатив, имперсонал, каузатив, русский язык, «стихийная» конструкция

Благодарности: Сердечно благодарю мою уважаемую коллегу Наталью Корину (Нитра, Словакия) за тщательную вычитку работы. Без нее эта статья не приобрела бы нынешний вид. Я также хотела бы поблагодарить двух анонимных рецензентов и редакторов за ценные замечания и тщательные исправления. Ответственность за любые недостатки несет только автор.

Для цитирования: Шлунд К. В чем суть русской «стихийной» конструкции (модель: *ветром сорвало крышу*)? *Вопросы языкознания*, 2025, 2: 26–48.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.26-48

What is the Russian “elemental” construction (of the type *vetrom sorvalo kryšu* ‘the roof was ripped off by the wind’) about?

Katrin Schlund

Martin Luther University, Halle-Wittenberg, Germany;
katrin.schlund@slavistik.uni-halle.de

Abstract: The so-called “elemental” construction (of the type *vetrom sorvalo kryšu* ‘the roof was ripped off by the wind’ or *soldata ranilo pulej* ‘the soldier was wounded by a bullet’), also known as Adversity Impersonal, is one of the most enigmatic impersonal constructions in Russian. Although this construction has attracted the attention of researchers since the 19th century, no proposed analysis encompasses morphosyntactic, lexico-semantic, and pragmatic aspects of its use. This paper suggests an analysis of this construction as a marked morphosyntactic structure signaling deviation from prototypical causation. The causative analysis leads to a holistic understanding of the construction, including metaphorical uses and other atypical cases. All conclusions are based on empirical evidence.

Keywords: adversative, causative, “elemental” construction, impersonal, Russian

For citation: Schlund K. What is the Russian “elemental” construction (of the type *vetrom sorvalo kryšu* ‘the roof was ripped off by the wind’) about? *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 2: 26–48.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.2.26-48

Введение

«Стихийная» конструкция (СК) является безличной конструкцией особого типа, который определяется как формальными, так и семантическими и прагматическими свойствами. Формальные свойства включают переходность глагола и, как во всех безличных конструкциях, его безличную форму. Семантически стихийные конструкции часто, но далеко не всегда указывают на последствия стихийного бедствия. Эта семантика является причиной того, что они были обозначены как «стихийные» конструкции [Мустайоки, Коптев 2005]. «Стихийной» конструкцией мы будем называть любой случай употребления синтаксической конструкции, характеризующейся следующими признаками:

«Стихийные» конструкции (СК) — это конструкции с прямым дополнением в винительном падеже, означающим пациенс безличной формой переходного глагола в активном залоге и, часто факультативно, именной группой в творительном падеже, означающей эффиктор¹ действия. СК не содержат именную группу в именительном падеже.

СК, в которых причина может выражаться творительным падежом, считаются спецификой восточнославянских, и в особенности русского, языков [Ходова 1958: 151; Сулейманова 1999: 171]. Однако СК без именной группы в творительном падеже встречаются также в западно- и южнославянских языках [Мразек 1990: 96; Ходова 1958: 151; Junghanns et al. 2017; Schlund 2020]. Такие СК есть и в неславянских языках, в частности, в немецком, ср. [Szucsich 2008: 167–168; Schlund 2020: 53–55]. СК возникли в разговорной речи, и они до сих пор несут разговорную окраску не только в русском, но и (еще более сильную) в польском, хорватском и немецком языках [Schlund 2020: 47, 51, 53–54].

Для удобства распознавания в аннотации были приведены два широко известных примера рассматриваемой конструкции: *ветром сорвало крышу* и *солдата ранило пулей*. В этой статье будут использоваться только эмпирически подтвержденные примеры СК — ср. (1) и (2):

- (1) *Пешехода переехало машиной*².
- (2) *Огород побило градом — что делать?*³

Прямое дополнение в винительном падеже выполняет семантическую роль пациенса, а творительный падеж обозначает эффиктор события, выражаемого глаголом.

СК выражают события, которые передаются также с помощью аналогичных активных и пассивных конструкций без изменения пропозиции, как показывают следующие примеры [Мустайоки 2021: 59]⁴:

¹ В соответствии с [Некрасова 2019] и [Гвоздкова 2024], семантическая роль «эффиктор» означает «неодушевленного участника, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее и изменяет ее» [Некрасова 2019: 123]. Роль эффиктора, таким образом, относится к макророльи каузатора, которая также включает роль агенса. Прототипический агенс сознательно контролирует все действие, выражаемое глаголом, включая его результат, и поэтому является как минимум одушевленным или даже человеком. Эффиктор не вызывает действие, обозначенное глаголом, намеренно и осознанно, но «выражает семантику, промежуточную между агенсом и инструментом» [Там же].

² <https://www.youtube.com/watch?v=0P-FOg2GdbE>, 03.09.2012, дата обращения: 20.09.2024.

³ <https://www.ogorod.ru/ru/main/news/16367/Ogorod-pobilo-gradom-chto-delat.htm>, 15.06.2020, дата обращения: 20.09.2024.

⁴ Вопрос о том, какие коммуникативные различия существуют между этими конструкциями, может быть рассмотрен лишь вкратце и применительно к активным конструкциям и СК в контексте данной статьи, см. подробный анализ этого вопроса в [Мустайоки 2021].

- (3) а. *Ветер снес крышу.*
 б. *Крышу снес ветер.*
- (4) а. *Ветром (была) снесена крыша.*
 б. *Крыша (была) снесена ветром.*
- (5) а. *Ветром снесло крышу.*
 б. *Крышу снесло ветром.*

СК являются неканонической синтаксической структурой, так как в них нет места для канонического подлежащего в именительном падеже. Возникает вопрос, в чем заключаются специфические признаки СК по сравнению с каноническими — активными и пассивными — конструкциями.

СК могут сопровождаться косвенной именной группой в дательном падеже или в родительном падеже с предлогом *у*, выражающей семантическую роль экспериенцера, как в примере (6), или посессора, как в примере (7)⁵:

- (6) *Военный, которому взрывом оторвало руку в Карагандинской области, считает, что пострадал от забытого снаряда*⁶.
- (7) *У фуры оторвало кабину после ДТП на трассе М-11 в Тверской области*⁷.

Часто СК включают обстоятельства разного рода:

- (8) *Взрывом в Сирии убило двух американских военных*⁸.
- (9) *Ее сильно ударило бидоном по спине и прижало в какой-то угол*⁹ [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)].

Эти дополнительные синтаксические единицы, однако, не являются частью самой СК.

Хотя существует множество работ, посвященных СК, целостное описание, в котором учитывались бы формальные, семантические и прагматические свойства, все еще отсутствует. Данная статья ставит своей целью внести вклад в такое описание, которое — как следует из названия статьи — стремится проникнуть в суть конструкции. Для этой цели сначала рассматриваются предыдущие работы по теме, которые в основном опирались на семантику именной группы в творительном падеже, что, однако, привело к неудовлетворительным объяснениям (раздел 1). Раздел 2 посвящен глагольной семантике, которая является ключом к пониманию конструкции. В разделе 3 семантика глаголов интегрируется в модель прототипической каузативности, из которой выводится целостный подход к объяснению сути СК. В разделе 4 показано, как из этого целостного описания можно обосновать другие свойства СК как эпифеномены их специфичной каузативной семантики. Метод исследования заключается в качественном анализе отдельных эмпирических примеров и синтезе результатов в форме целостного описания. Большинство примеров, выбранных для анализа в этой статье, взято из базы данных, включающей более 2000 аутентичных примеров СК. Подавляющая часть примеров взята из корпуса,

⁵ Механизмы, управляющие выбором между дательным и родительным падежами с предлогом в СК, проанализированы в [Schlund 2018a: 192–198; 2019a] и не будут рассматриваться специально в данной статье.

⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=UXeHqMDauNo>, 30.07.2018, дата обращения: 20.09.2024.

⁷ <https://news.ati.su/news/2021/03/03/u-fury-otorvalo-kabinu-posle-dtp-na-trasse-m-11-v-tverskoy-oblasti-150000/>, 03.03.2021, дата обращения: 20.09.2024.

⁸ <https://www.rosbalt.ru/world/2018/03/30/1692943.html>, 30.03.2018, дата обращения: 20.09.2024.

⁹ Здесь и далее примеры из художественной литературы, если не указано иное, взяты из [НКРЯ]; о НКРЯ см. [Савчук и др. 2024].

составленного Мустайоки и Копотевым [2005]. Использованный ими корпус представлял собой собрание текстов, предоставленных базой данных Integrum (www.integrum.ru), которая на тот момент включала более 200 миллионов документов, что соответствовало более 440 ГБ дискового пространства [Мустайоки, Копотев 2005: 7]. Исследование можно было проводить только в виде поиска точных словоформ. Используя этот метод, авторы смогли собрать 2303 примера СК. Примеры из этого корпуса преимущественно взяты из газет и журналов, опубликованных в период с 1995 по 2005 год. Около 30 % извлечены из художественных текстов XX века, а небольшая часть относится к другим видам текстов [Там же]. Данную коллекцию мне любезно предоставил Арто Мустайоки. Корпус был дополнен еще 195 примерами. Эти примеры были обнаружены в результате целенаправленных лексических запросов в Национальном корпусе русского языка, а также с помощью свободных лексических поисков в интернете. Примеры, найденные в НКРЯ, преимущественно взяты из художественной литературы. Примеры, найденные в интернете, преимущественно происходят из газет, социальных сетей, блогов или форумов. В сносках для каждого примера указываются источник, дата публикации и дата обращения.

1. Семантика творительного падежа в СК: предыдущие попытки анализа и их ограничения

Предпринимались многочисленные попытки определить семантику СК, которые в конечном итоге позволили бы учесть и их формальные свойства. Наибольшее внимание было уделено семантике творительного падежа, так как допустимость именной группы в творительном падеже, по всей видимости, является маркером СК, ср. [Ходова 1958; Сальников 1977; Green 1980; Некрасова 2019]¹⁰. Основное предположение при таком подходе, насколько можно судить, заключается в том, что семантика этого особого использования творительного падежа является ключом к пониманию семантики СК в целом.

Первым признаком существительных, допустимых в творительном падеже, считается то, что они не обозначают одушевленных актантов. Поэтому пример (10) должен быть исключен как семантически однозначно неприемлемый для носителей русского языка:

(10) *Собаку убило человеком.

Однако нам удалось найти один реальный пример, в котором именная группа в творительном падеже обозначает одушевленное существо:

(11) *Передайте, говорит, Путилину, сына его лошадьми смяло. Где, спрашиваю, а он сам ничего толком не знает, от извозчиков слышал*¹¹ [Леонид Юзефович. Князь вестра (2001)].

Носителям русского языка ясно, что в (11) речь идет о несчастном случае, при котором лошади непосредственно стали причиной травмы сына. В работах [Юрченко 1972] и [Зализняк 2002] приводятся другие сконструированные примеры с именными группами в творительном падеже, обозначающими одушевленные существа:

(12) *Иваном разбило форточку* [Юрченко 1972: 130].

(13) *Зайца убило охотником* [Зализняк 2002: 625].

¹⁰ Известно, что есть и непреходная безличная конструкция с творительным падежом, а именно конструкция по модели *пахнет розами*. Эта модель в данной статье не рассматривается.

¹¹ Отметим, что речь здесь идет действительно о лошадях.

Оба автора подчеркивают необычную, но вполне понятную семантику такого рода предложений. Так, в [Юрченко 1972: 131] считается, что пример (12) «в определенной ситуации возмож[ен]», а в [Зализняк 2002: 625] отмечается, что это примеры «семантически нестандартные»¹².

Тем не менее СК с одушевленными каузаторами встречаются крайне редко. Вопрос состоит скорее в том, можно ли определить СК через другие семантические признаки существительных, допускаемых в качестве каузаторов-эффекторов в творительном падеже.

О. А. Сулейманова [1999: 178, 184] постулирует критерий «+подвижность» как конститутивный для лексем, встречающихся в творительном падеже. Аналогичным образом это ограничение формулирует Н. Сальников:

«Итак, предметам, обладающим такой потенциальной энергией, можно приписать семантический признак [+energy]. Так, например, *дом*, в общем, не обладает такой потенциальной энергией, в то время как *кирпич*, находящийся, например, на определенной высоте на крыше дома, обладает такой потенциальной энергией. Поэтому мы и обозначим *дом* как предмет с семантическим признаком [-energy], а *кирпич* — [+energy]. Из чего следует, что предложение **Его убило домом* неправильно, в то время как предложение *Его убило кирпичом*, на наш взгляд, совершенно правильно» [Сальников 1977: 283].

Однако нам удалось найти именно такой пример, допустимость которого Сальников отрицает:

(14) *В Москве домом убило бомжа*¹³.

Надо признать, что здесь речь идет о весьма специфическом контексте, в котором бездомный погиб в пустующем доме, который обрушился.

Однако существуют и другие многочисленные примеры, в которых лексемы, обозначающие нединамические, неподвижные предметы, встречаются в творительном падеже в СК:

(15) *29-летнего рабочего убило балконом на стройке многоэтажки под Волгоградом*¹⁴.

(16) *Мэнсона придавило декорацией во время концерта*¹⁵.

Можно, конечно, возразить, что творительный падеж в приведенных выше контекстах в действительности обозначает подвижные объекты. Однако это возможно только на прагматическом уровне, то есть в конкретном употреблении. Из этого видно, что «динамическая семантика» выражается только через использование конструкции, а не через лексическую семантику таких лексем, как *дом*, *балкон*, *кирпич* или *декорации*.

Кроме того, этот подход не может объяснить метафорических употреблений (17)–(19), которые отнюдь не являются редкостью:

(17) *Евро придавило долларом: в ЕС разгорается финансовый кризис*¹⁶.

¹² В [Soschen 2003: 26] приводится еще больше примеров СК с одушевленными существительными в творительном падеже, но неясно, являются они примерами реального употребления или составлены автором.

¹³ http://www.rosconcert.com/common/arc/story.php?id_cr=63&id=48214, 07.05.2003, дата обращения: 05.08.2021.

¹⁴ <https://bloknot-volgograd.ru/news/29-letnego-rabochego-ubilo-balkonom-na-stroyke-mno-855194>, 19.06.2017, дата обращения: 20.09.2024.

¹⁵ <https://apostrophe.ua/article/lime/person/2017-10-01/mensona-pridavilo-dekoratsiey-vo-vremya-kontserta-opublikovano-video/14728>, 01.10.2017, дата обращения: 20.09.2024.

¹⁶ *Евро придавило долларом: в ЕС разгорается финансовый кризис* (dp.ru), 19.07.2022, дата обращения: 20.08.2024.

- (18) *В целом, я думаю, что роста потребления не будет, потому что людей очень сильно придалвило кризисом — люди стали экономить даже на еде*¹⁷.
- (19) *Скоро нас всех накроет волной здорового популизма* [Мустайоки, Копотев 2005: 15].

Следовательно, мы предполагаем, что критерии Сулеймановой и Сальникова, «+подвижность» и «+энергия», не подходят для различения существительных, допустимых и недопустимых в именной группе в творительном падеже в СК.

М. Гиро-Вебер [Guiraud-Weber 1984: 277] предполагает, что СК даже обязательны, если причиной является созданный человеком артефакт, а не природная сила. В качестве примера она приводит следующие предложения:

- (20) *Током ударило одного из бесстрашных рыцарей в подвале*¹⁸.
- (21) *Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх*¹⁹.

Согласно Гиро-Вебер, в этих предложениях носители языка склонны явно предпочитать СК по сравнению с регулярными активными конструкциями [Ibid.].

Однако на практике созданные человеком реалии (такие как *машина*, *ток* и *взрыв*) встречаются как в именных группах в творительном падеже в СК (в примерах (1, 20, 21)), так и в качестве канонических подлежащих в именительном падеже в типичных «СК-контекстах», как показывают следующие примеры:

- (22) *Внезапно сильный взрыв швырнул нас на землю*²⁰.
- (23) *Что делать, если вас сбила машина?*²¹
- (24) *Ток убил жителя Красноармейского района*²².

С лексемами *взрыв* и *машина* можно легко найти обе синтаксические конструкции. Примеры (20) и (24) заслуживают особого внимания. Как показал А. Мустайоки [2021: 82–84], использование слова *ток* в качестве каузатора-эффектора в СК явно предпочитается его использованию в качестве канонического переходного подлежащего в именительном падеже. Причина этого заключается в том, что *ток* часто убивает особенно неожиданно и мгновенно²³, что способствует использованию слова *ток* в качестве эффектора в СК [Там же: 84].

Другой подход использует М. Грин [Green 1980], который не постулирует определенные лексические классы, которые могут встречаться в творительном падеже СК, а принимает

¹⁷ Президент ответит за Закон | Retail.ru, 15.12.2009, дата обращения: 15.08.2024.

¹⁸ http://lib.ru/BULGAKOW/r_13.txt, дата обращения: 19.12.2024. М. А. Булгаков. No. 13. Дом Элит-Рабкоммуна (1922).

¹⁹ <https://aif.ru/society/210040>, 21.04.2008, дата обращения: 19.12.2024.

²⁰ Давление всегда является недружеским (kommersant.ru), 27.02.2022, дата обращения: 20.09.2024.

²¹ <https://объясняем.рф/articles/useful/что-делат-esli-vas-sbila-mashina/>, 13.12.2023, дата обращения: 20.09.2024.

²² <http://ddk.dn.ua/news/article/5004/>, 14.03.2016, дата обращения: 20.09.2024.

²³ Существенно, что несложно найти примеры, в которых *ток* используется в качестве канонического подлежащего. Однако это происходит не в типичных контекстах СК, а в непреходных предложениях типа:

Почему убивает ток, а не напряжение? (<https://otvet.mail.ru/question/223158677>, дата обращения: 19.12.2024)

Такие примеры имеют иную событийную структуру, чем СК, но они показывают, что семантика слова *ток* принципиально не препятствует его использованию в качестве подлежащего в именительном падеже.

в качестве критерия прагматическое различие. Согласно Грину, именная группа в творительном падеже в СК не может использоваться референциально: «[O]nce an NP has been introduced into a discourse, it should not be possible to refer to that NP again by means of an instrumental NP in ИТ»²⁴ (ИТ=СК, в терминологии Грина: Impersonal Transitive with Instrumental: безлично-переходная конструкция с творительным падежом) [Ibid.: 207].

Если это предположение верно, то творительный падеж в СК не должен встречаться в референтных определенных контекстах. Использование, указывающее на высокую степень референциальности, которое, согласно Грину [Ibid.], невозможно, — это анафорическое употребление именной группы в творительном падеже, в частности, с относительным местоимением (25), личным местоимением (26) и существительным с указательным местоимением (27). Однако, как иллюстрируют следующие примеры, все три способа использования встречаются в СК:

- (25) *Грэм Филип показал осколок, **которым** его ранило*²⁵.
- (26) *Достаточно, проезжая мимо пирамидки брёвен, пальнуть в них. Необязательно, чтобы после этого кого-то **ими** придавило*²⁶.
- (27) *На передовых позициях под Потсдамом разорвавшимся крупным снарядом тяжело ранило комбата Бойко и командира нашего взвода управления Соболева. Их быстро отправили в госпиталь, но было непонятно, выживут ли они. **Этим же снарядом** убило и ранило еще несколько человек*²⁷.

Такие примеры показывают, что и прагматический критерий Грина не подходит для объяснения того, когда можно использовать СК, а когда нет.

Нельзя не упомянуть обзор лексических классов существительных в творительном падеже, приведенный в [Зорин 2011: 146–227] (см., в частности, с. 217–221) и в [Некрасова 2019: 124–128]. Однако именно такие обширные описательные коллекции подчеркивают, что вряд ли можно предсказать допустимость того или иного существительного в творительном падеже в СК только на основе его лексической семантики.

Поскольку анализ допустимости использования творительного падежа не дал критериев, позволяющих отличать СК от обычных переходных предложений, далее предпринимается попытка описать СК на основе глаголов, которые в них встречаются.

2. Семантика глаголов

Семантике глаголов, выступающих в СК, в научной литературе уделялось гораздо меньше внимания. В некоторых работах просто указывается на то, что это переходные глаголы в безличном употреблении [Галкина-Федорук 1958: 146; Ходова 1958: 150; Копейкин 1959: 227; Гвоздев 1973: 57; Бабайцева 2004: 216]. В других работах даются перечни предположительно типичных глаголов, см. [Шелякин 2001: 210; Зорин 2011: 46]. Если семантика глаголов вообще упоминается, то часто выбираются очень общие обозначения,

²⁴ «После введения именной группы в дискурс не должно быть возможности снова сослаться на эту именную группу с помощью именной группы в творительном падеже в ИТ». Здесь и далее перевод наш. — К. Ш.

²⁵ <https://e-news.su/video/35575-grem-filips-pokazal-oskolok-kotorym-ego-ranilo-i-vzryv-miny.html>, 25.11.2014, дата обращения: 13.08.2024.

²⁶ https://stratege.ru/ps4/trophies/mafia_3/spisok/trap_game_strong, 09.04.2017, дата обращения: 13.08.2024.

²⁷ http://loveread.me/read_book.php?id=69432&p=60. Владилен Орлов. Судьба артиллерийского разведчика (2022).

которые не подходят для выявления различий между СК и другими конструкциями, например, «*verbes d'actions*» 'глаголы, обозначающие действия' [Guiraud-Weber 1984: 278], «*predicate[s] refer[ring] to natural phenomena*» 'предикаты, относящиеся к природным явлениям' [Green 1980: 25] или «предикаты стихийного действия» [Петров 2007: 39]. Замечание Л. Бэбби [Babby 1975: 186], что глаголы в СК «*denote a physical action that can occur spontaneously, without the initiation or intervention of an animate agent*» 'обозначают физическое действие, которое может происходить спонтанно, не было начато одушевленным агенсом и не предполагает его вмешательства', уже более полезно, так как оно содержит указание на определенную форму каузативности (см. раздел 3).

Классические работы по семантике предикатов, как правило, предлагают деление на слишком большие классы, которые не позволяют обозначить свойства, актуальные для предикатов в СК. Например, акциональные классы, выделенные З. Вендлером [Vendler 1957], не помогают решить эту задачу, поскольку в СК встречаются прежде всего **достижения** (англ. *achievements* (28)) и **свершения** (англ. *accomplishments* (29)):

(28) *В Алматы молодому парню нетардой оторвало кисть руки*²⁸.

(29) *Течением его сносило к северу, он вернулся* [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963)].

Однако в качестве предикатов в СК могут использоваться и **деятельности** (*activities*):

(30) *Он бы меня оттуда вытащил и добавил, да лодку качало волной, деда валяло с ног, он хватался за борта* [В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)].

(31) *Мужчина стоял на ногах нетвердо, будто его шатало легкими порывами ветра* [А. Троицкий. Удар из прошлого (2000)].

Еще более важно, что вендлеровские классы включают и предикаты, которые в СК недопустимы — например, достижения типа *выиграть гонку* или свершения типа *нарисовать круг* [Vendler 1957: 146–149].

Известное различие, указываемое Е. В. Падучевой [2004: 30–33], между «действиями» и «происшествиями» также не позволяет определить глаголы-предикаты в СК: очевидно, что в СК представлены только происшествия, поскольку действия, согласно Падучевой, выполняются одушевленным агенсом, типично человеком.

«Предельность» (англ. *telicity*) — это еще один аспект семантики предикатов, который может оказаться важным для описания СК. Как и многие другие лингвистические термины, понятие предельности используется по-разному²⁹. В общем смысле предельность можно определить как свойство предикатов, включающее «*existence of a natural endpoint*» 'существование естественной конечной точки' [Demonte, McNally 2012: 1]. Однако вопрос состоит в том, что такое «естественная» конечная точка? В более широком смысле все классы Вендлера, кроме глаголов состояния, должны рассматриваться как предельные, так как и процесс, означаемый предикатами деятельности (*activity verbs*), должен в какой-то момент закончиться. Однако если в качестве «естественной» конечной точки рассматривать только результат процесса, такие глаголы, как *убить*, *оторвать*, *упасть*, *достичь*, обозначающие процесс, который должен завершиться в определенный момент, можно считать предельными глаголами (ср. «свершения» и «достижения» Вендлера). В этом смысле предельность равнозначна гетерогенной процессуальной структуре, поскольку процессы обозначают различные фазы. В противоположность этому, отдельные фазы у глаголов деятельности, таких как *бежать*, *плакать*, *качать*, *трясти* и т. д., совпадают.

Однако существует множество предельных предикатов, которые не могут встречаться в СК, хотя ясно, что предикаты в СК обычно имеют гетерогенную структуру **события**,

²⁸ <https://kstnews.kz/news/item-2598>, 03.01.2013, дата обращения: 20.09.2024.

²⁹ Подробнее см. [Баклагова 2010].

то есть могут быть обозначены как предельные в более узком смысле. С другой стороны, в СК можно встретить и глаголы, обозначающие «деятели» согласно Вендлеру (например, *качать, шатать*, см. примеры (30, 31)). Следовательно, критерий предельности также не является достаточным, чтобы задать ограничение на предикаты СК, даже если он в широком и узком смысле способствует их описанию.

Основываясь на предыдущих работах, Р. А. Зорин [2011: 93–145] представляет наиболее детализированный на данный момент анализ семантики предикатов в СК. Зорин определяет семь семантических классов глаголов: (1) глаголы разрушения / уничтожения объекта (например, *уничтожить, разрушить*); (2) глаголы повреждения / порчи объекта (например, *повредить, ранить*); (3) глаголы перемещения объекта (например, *унести, пригнать*); (4) глаголы изменения положения объекта (например, *шатать, развеять*); (5) глаголы изменения состояния объекта (например, *сковать, схватить*); (6) глаголы со значением распространения чего-либо по поверхности (например, *замести, засыпать*); (7) глаголы заполнения пространства (например, *наполнить, забить*) [Там же: 46]. Наиболее подробно Зорин описывает глаголы уничтожения / повреждения, так как они очень часто встречаются в СК. Микроанализ Зорина служит хорошей отправной точкой для попытки найти общий знаменатель всех семи групп предикатов, встречающихся в СК³⁰.

Следующие количественные данные основаны на анализе³¹ базы данных с 2498 примерами аутентичных СК современного русского языка. В корпусе засвидетельствованы 270 различных глаголов. Пять самых частотных глаголов, встречающихся в базе данных, следующие: *убить* (214 токенов), *обдать* (148 токенов), *унести* (111 токенов), *заволочь* (100 токенов), *придавить* (91 токен)³². Примечательно, что почти³³ все 270 глаголов, от самых частотных до самых редких, описывают каузативные ситуации специфического рода. Они обычно являются агентивными глаголами, то есть глаголами, требующими прототипического, а значит, одушевленного агенса. Многие из них (в том числе пять самых частотных) также описывают гетерогенные ситуации, то есть ситуации с четким различием между «до» и «после» достижения предела, которое оставляет постоянные и видимые следы на пациенте. Гетерогенные глаголы предельны в узком смысле слова. Это объясняет, почему в СК преобладает совершенный вид глагола, хотя несовершенный вид также встречается регулярно [Мустайоки, Копотев 2005: 13]. Способ изменения ситуации довольно специфично определяется этими глаголами [Зорин 2011: 141]³⁴ и вызывается внешним

³⁰ Еще одна классификация глаголов и существительных, выступающих как каузаторы в СК, основанная на эмпирических данных и весьма информативная, представлена в работе И. М. Некрасовой [2019]. Тот факт, что Некрасова различает 11 лексико-семантических классов существительных и разные подгруппы, еще раз демонстрирует неоднородность существительных, встречающихся в творительном падеже. В конечном итоге такие перечни также показывают, что с их помощью невозможно определить семантику творительного падежа в данной конструкции, не говоря уже о семантике СК в целом.

³¹ Анализ был проведен в еще не опубликованной квалификационной работе автора [Schlund 2019a].

³² Следует сделать поправку на то, что итог отражает результаты случайных лексических (а не синтаксических) запросов. Поэтому вероятно, что исследователи, обнаружив новый глагол при сборе данных, в последующих поисках использовали его чаще, чтобы найти как можно больше примеров СК, что привело к чрезмерной представленности данного глагола в корпусе.

³³ Двумя исключениями являются глаголы *окрылить* и *отпугнуть*, которые в корпусе встретились всего один раз, и то в поэтических текстах.

³⁴ Например, СК с глаголом *погубить* или *сгубить* менее приемлемы, чем с глаголом *побить*, так как последний имеет более конкретную семантику [Зорин 2011: 107–111], ср.:

³*Половину урожая погубило градом.*

³*Посевы сгубило градом.*

Посевы зерновых побито градом [Там же: 108].

Вполне возможно, что оценки носителей языка здесь отличаются.

каузатором, который, однако, при использовании этих глаголов в СК не является сознательным производителем действия, т. е. он является каузатором-эффектором, а не каузатором-агентом. Кроме того, встречаются также глаголы, которые хотя и не выражают гетерогенную ситуацию, но все же подразумевают внешнего каузатора и динамический процесс. Хорошим примером служит глагол *качать*, который является гомогенным и не однократным глаголом, но тем не менее встречается в СК (см. пример 30).

Итак, глаголы, присутствующие в СК, по-видимому, объединяют следующие признаки: «+переходность», «+/-агентивность», «+(внешняя) каузативность». Признаки «+моментальность» и «+гетерогенность ситуации» появляются часто, но не обязательно. Так как ни переходность, ни (потенциальная) неагентивность не являются достаточными для ограничения семантики глаголов в СК, стоит рассмотреть внешнюю каузативность как семантическую категорию более подробно.

3. Каузативный анализ

Мы видели, что есть основания полагать, что СК выражают каузативные события [Lavine, Babby 2019]. Также ясно, что предикаты в СК выражают «ненамеренную каузацию» в смысле [Падучева 1994] и что они включают внешний каузатор. Поэтому в данном разделе исследуется, к какому типу ненамеренных каузативных событий с внешним каузатором-эффектором эти предикаты относятся. В качестве отправной точки мы выберем прототипическую каузацию.

3.1. Прототипическая каузация

Линейная и гетерогенная структура каузальных событий поддается визуализации в виде горизонтальной линии, так называемой каузальной или каузативной цепи, ср. [Бессонов 2016]. Важное различие в каузативной цепи — это различие между предшествующей и последующей фазой каузативного события. Таким образом, каузативное событие включает в принципе два события — предшествующее и последующее. Отношения между двумя событиями следующие: «...the speaker believes that the occurrence of the caused event is wholly dependent on the occurrence of the causing event» ('Говорящий считает, что наступление вызванного события полностью зависит от наступления вызвавшего его события') [Shibatani 1976: 1].

Каузатор и, если он есть, инструмент — это участники, принадлежащие к предшествующей части каузативного события, а пациент принадлежит к последующей части. Вербализация каузативных событий может начинаться в разных точках каузальной цепи. Например, агент может быть опущен, и вербализация начинается с инструмента в синтаксической функции подлежащего:

(32) *Алексей Дикарев удивлен, что лезвие не повредило важные органы*³⁵.

(33) *Супер-острый нож режет пачку бумаги!*³⁶

³⁵ Пластический хирург из Краснодара о «женщине с ножом в носу»: «Лезвие прошло в миллиметре от сонной артерии!» kr.ru, 24.11.2021, дата обращения: 15.08.2024. В газетной заметке сообщается, что муж женщины напал на нее с ножом.

³⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=icrppmmxguKQ>, без даты, дата обращения: 24.09.2024.

Хотя такие предложения, как (32) и (33), обычно подразумевают наличие агенса-человека, здесь он не упоминается³⁷. В этих примерах существительные *лезвие* и *нож* на синтаксическом уровне выполняют роль подлежащего, а семантически являются инструментами. В канонически переходных предложениях агенс, конечно, может выступать как подлежащее, а инструмент — как именная группа в творительном падеже:

(34) *Лена нарезала хлеб ножом.*

Предложения со структурой, как в (34), выражают прототипические каузативные события, в которых реализованы все звенья каузальной цепи. У Крофт [Croft 1991: 173] определяет прототипическую каузацию следующим образом:

«The prototypical event type that fits this model is unmediated volitional causation that brings about a change in the entity acted on (i.e., the manifestation of the transmission of force), that is, the prototypical transitive event (...). Other event types must be ‘coerced’ into this model» («Прототипический тип события, соответствующий этой модели [т. е. модели каузации. — К. Ш.], — это непосредственная волевая каузация, которая приводит к изменению объекта воздействия (т. е. к проявлению передачи силы), т. е. прототипическое переходное событие (...). Другие типы событий должны быть «принуждены» к этой модели») [Croft 1991: 173].

Прототипическая каузация, следовательно, имеет внешний каузатор, который сознательно и намеренно вызывает событие и полностью контролирует его от начала до конца. Очевидно, что тот, кем совершается данное действие, должен быть человеком (то есть настоящим агенсом).

Прототипическая каузация также является прямой. Прямая каузация может быть выражена в пределах одного простого предложения, так как между причиной и результатом нет других каузаторов. При прямой каузации есть только один каузатор, но она может произойти с промежуточным элементом или без него³⁸. Такой промежуточный элемент П. Вольф [Wolff 2003] называет «промежуточной причиной» (англ. *intermediary cause*). Прямая каузация может происходить как с промежуточным элементом (инструментом), так и без него. Поэтому инструменты обычно являются факультативными членами предложения в предложениях типа (35):

(35) *Он открывает дверь (ключом).*

Вольф [Wolff 2003] иллюстрирует свою типологию каузативных событий на рисунке (с. 37).

Прототипическая каузация имеет прямой, внешний и одушевленный (в идеале, человеческий) каузатор, который сознательно вызывает действие и полностью контролирует его. Прототипическая каузация также физически наблюдаема, так как она создает ситуацию до и после, и это изменение ситуации оказывает осязаемое воздействие на пациента³⁹.

³⁷ По терминологии [Недялков, Сильницкий 1969: 7], примеры (32) и (33) являются «семантически эллиптическими» каузативными конструкциями, так как один или более участников в каузативном событии не реализованы.

³⁸ В случае косвенной каузации существует один или более промежуточных каузаторов. Пример косвенной каузации:

Он открыл окно. Затем дверь открылась из-за сквозняка, проходящего через открытое окно.

Здесь мы имеем два разных каузальных события с двумя разными каузаторами: открытие двери и открытие окна. Невозможно выразить это в одном предложении: **Он открыл дверь ключом и окно сквозняком*, ср. [Wolff 2003]. О различии между причинными и каузативными конструкциями см. в [Храковский 2021].

³⁹ Это важное отличие от эмоциональной каузации, при которой пациент имеет определенную степень контроля. Например, человек сам решает, обидится ли он на высказывание или нет.

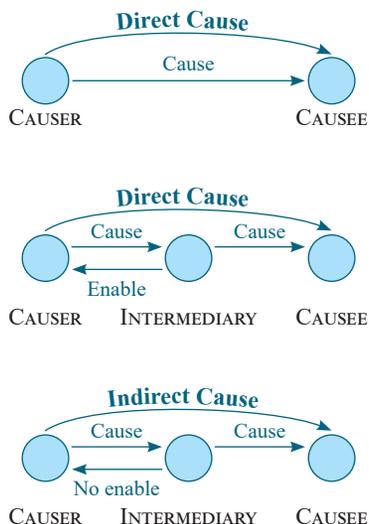

Рис. Прямая и косвенная каузация [Wolff 2003: 5]

Чем более динамично, непосредственно и специфично меняется ситуация, тем скорее человек склонен воспринимать ее как каузативную. Поэтому прототипическая каузация является прямой. В следующем подразделе мы более подробно рассмотрим, какие из этих характеристик прототипических каузативных событий присутствуют в СК, а какие нет.

3.2. СК как каузативная конструкция, указывающая на отклонение от прототипической каузации только одним признаком

СК совпадают с каноническими переходными конструкциями по формальной структуре. Единственное различие между каноническими конструкциями и СК состоит в том, что в СК позиция подлежащего остается незаполненной. Второй критерий — безличная форма глагола — обусловлен этим первым критерием, так как каузатор обязательно является неодушевленным. Учитывая каноническую структуру переходных предложений и модель каузальной цепи Вольфа [Wolff 2003], можно сказать, что СК иконически указывают на отсутствие агенса и на наличие инструмента, поскольку творительный падеж допустим, а глагольная морфология в СК явно активная, а не пассивная⁴⁰.

Это особенно ярко проявляется в таких примерах, как (36)–(38), где явно предполагается наличие агенса-человека в каузальной цепочке, но в рамках СК он, конечно, остается «за кадром», см. [Падучева 2004]⁴¹:

(36) *Пешехода переехало машиной (=1).*

⁴⁰ Это никак не исключает того, что использование СК может иметь эффекты, схожие с возникающими в пассиве. Коммуникативные различия между СК, активными и пассивными конструкциями, проанализировал Мустайоки [2021].

⁴¹ Один из рецензентов заметил, что, по его мнению, статус «за кадром» в работах Е. В. Падучевой относится не к таким случаям. Действительно, мне не удалось найти в работе [Падучева 2004] примера коммуникативного ранга «за кадром», в котором бы встречалась СК. Тем не менее описание кажется мне подходящим для примеров (36)–(38), поскольку, хотя одушевленный каузатор не вербализуется, он все же присутствует. Ср. также примеры в [Там же: 96].

(37) *Армянского солдата ранило пулей противника*⁴².

(38) *Слона убило прицельным попаданием бомбы*⁴³.

Такие СК допустимы, поскольку предшествующий агенс неосознанно вызвал данное изменение состояния пациенса, хотя, вероятнее всего, управление автомобилем было осознанным действием. Выстрел из огнестрельного оружия и сброс бомбы могут произойти случайно, однако в примерах говорится о выстреле противника и даже о целенаправленной бомбардировке. СК обозначают, что ранение именно данного солдата и убийство слона не были намеренными результатами действий. Важно отметить, что в примерах (37) и (38) большая пространственная дистанция между предшествующим агенсом-человеком и пациенсом снижает контроль со стороны агенса. Однако очевидно, что такого рода отклонения от прототипической модели недостаточно, чтобы использование СК стало невозможным. Решающее значение для допустимости СК имеют прямая внешняя каузация и случайность конкретного результата⁴⁴.

Можно возразить, что как раз в типических примерах для СК, где в творительном падеже в роли каузатора-эффектора выступают природные силы, в каузальной цепочке ситуации не предшествуют действия агенса-человека. Это, безусловно, верно. Ответ на вопрос о том, предшествует ли «действиям» природных сил высшая, божественная инстанция или нет, следует оставить другим дисциплинам, а не лингвистике. Для лингвистического объяснения здесь важны понятия «конструирования» (англ. *construal*) и «принуждения» (англ. *coercion*)⁴⁵. СК представляют (конструируют) каузативное событие таким образом, как будто за ним стоит неупомнутый каузатор, оставляя позицию подлежащего пустой и обозначая единственного названного каузатора как инструмент. По этой причине даже эффекторы, действию которых по определению не предшествуют действия агенса, принуждаются к исполнению роли инструмента⁴⁶. Поэтому репрезентация события в форме СК всегда подразумевает понижение (англ. *demotion*) статуса каузатора, что, в свою очередь, имеет и коммуникативные последствия: в центре внимания оказывается событие в целом [Мустайоки 2021], что делает СК более динамичными, чем пассивный залог, в котором акцент смещается на пациенс и результат события. Силы природы, несмотря на отсутствие признака одушевленности, являются мощными каузаторами, поскольку они обладают значительной каузативной силой. Они воспринимаются физически и способны в короткий срок вызвать резкое изменение ситуации. Семантически силы природы выполняют роль «силы» (англ. *force*)⁴⁷. Эти самые типичные случаи СК выражают каузативные

⁴² <https://news.gisher.ru/ru/society/shpman-gcum-zinvor-e-viravovel.html>, 26.05.2014, дата обращения: 20.09.2024.

⁴³ <https://centrasia.org/newsA.php?st=1078810980>, 09.03.2004, дата обращения: 20.09.2024.

⁴⁴ См. [Davies 2005], в которой СК и похожие безличные конструкции называются «uncontrolled event impersonals» («безличные конструкции, означающие неконтролируемые события»). Мустайоки [2021: 71] отмечает, что события в (36)–(38) неожиданны, особенно с точки зрения объекта-пациенса, поэтому репрезентация события в виде СК также «интимизирует» ситуацию для говорящего и слушателя.

⁴⁵ Мы предполагаем, что эти понятия широко известны в лингвистике, хотя и могут определяться по-разному. Подробнее см. [Lauwers, Willems 2011; Verhagen 2012; Hamawand 2021].

⁴⁶ По-видимому, А. М. Пешковский [1956: 344] имел в виду нечто очень похожее, когда утверждал, что в СК «язык изобразил ее [причину]. — К. III.] только как орудие [выделено в оригинале] какой-то другой, отдаленной причины». Аналогичным образом М. Смит [Smith 1994: 37ff.] выступает за интерпретацию творительного падежа в СК как инструмента.

⁴⁷ Ср. «FORCES (...) can act and move independently, and they are not under the control of another EFFECTOR, animate or inanimate; in other words, they can serve as the instigators of an action, event or process» [выделено в оригинале] («Силы (...) могут действовать и двигаться независимо, и они не находятся под контролем другого ЭФФЕКТОРА, одушевленного или неодушевленного; другими

события, которые отличаются от прототипической каузации лишь по одному признаку — отсутствию агенса-человека.

Тем не менее допустимы и другие отклонения от прототипической каузативности в СК, такие как гетерогенность события, его моментальный характер и четкое различие между состояниями до и после достижения предела. Примеры включают СК с глаголами несовершенного вида (например, *сносить*) и даже с глаголами деятельности (англ. activity verbs), такими как *качать* или *шатать*, которые по своей природе не могут выражать моментального события. Важно, что и эти глаголы выражают внешнюю каузацию и обладают высокой динамичностью. Однако обязательным условием в этих случаях всегда остается отсутствие агенса-человека. Поэтому СК можно рассматривать как хороший пример так называемых «Agentivity Impersonals», то есть безличных конструкций, сигнализирующих прежде всего об отсутствии агенса [Malchukov, Ogawa 2011; Schlund 2018b: 130f.].

4. Последствия каузативного анализа для интерпретации СК

Из предлагаемого каузативного анализа можно вывести несколько дополнительных свойств СК, которые были отмечены и обсуждены в литературе.

В отличие от активных и пассивных конструкций, в СК нет канонического порядка слов. Это относится, в частности, к двум наиболее частым вариантам, где глагол находится в середине, то есть ‘пациенс — глагол — каузатор’ и ‘каузатор — глагол — пациенс’. При этом порядок ‘пациенс — глагол — каузатор’ встречается несколько чаще [Мустайоки 2005: 58; Мустайоки, Копотев 2005: 10 и сл.; Kizach 2014; Некрасова 2019: 130].

Поскольку СК показывают отклонение от прототипической каузативности в отношении признака агентивности, они переносят внимание с каузатора-эффектора на событие в целом. Поэтому порядок слов в СК варьируется в зависимости от информационной структуры более гибко, чем в канонических активных и пассивных конструкциях, в которых, как правило, подлежащее является предрасположенным к позиции перед глаголом и функции топика [Мустайоки 2021: 60]. Тем не менее пациенс СК может стоять перед глаголом и быть таким образом топикализированным [Schlund 2019b: 193–195]. Как мы видели, например, в (25, 27), эффектор также может быть перемещен в предглагольную позицию и выполнять функцию топика, хотя и реже, чем пациенс [Ibid.: 195–199]. СК в целом также может выступать как тетическое предложение (англ. *thetic statement*) — предложение без топика⁴⁸. Это объясняет, почему СК часто встречаются в заголовках новостных сообщений [Ibid.: 194]. Смещение фокуса на само событие, пациенс и результат события создается динамичной ориентированностью внешней каузации на конечную точку и понижением (или даже устранением) каузатора⁴⁹.

Установление того, что СК обозначают прототипические каузативные события, также объясняет, почему глаголы, выражающие эмоциональную каузативность, менее уместны в СК. В [Tsedryk 2004] отмечается, что эмоциональные каузативы в СК менее приемлемы, чем физические каузативы, ср. (39a) и (39b) [Ibid.: 434]:

(39) а. [?]*Ивана напугало игрушкой.*

б. *Ивана придавило игрушкой.*

словами, они могут служить инициаторами действия, события или процесса’) [Van Valin, LaPolla 1997: 121].

⁴⁸ Классическая дефиниция «тетических предложений» была предложена в [Kuroda 1972: 154]. Информационная структура СК рассматривается более подробно в [Schlund 2019b].

⁴⁹ Фокус на событии часто считается важной коммуникативной функцией СК, см. [Копейкин 1959: 228; Smith 1994: 25; Harves 2002: 152].

Эмоции связаны с чувствующим субъектом. Таким образом, они — по крайней мере частично — создаются самим носителем и не вызываются исключительно внешними каузаторами.

Из каузативного анализа становится понятным, почему допустимость СК не зависит исключительно от семантики глаголов, несмотря на ее значимость. В примере (40) эмоционально каузативный глагол *напугать*, как указывается в [Lavine, Franks 2008], воспринимается лучше, чем в (39а) выше, поскольку *гроза* является гораздо более сильным внешним каузатором, чем *игрушка* (хотя мне не удалось найти ни одного подлинного примера СК с глаголом *напугать*):

(40) *Ивана напугало грозой* [Ibid.: 241].

По всей видимости, глаголы типа *напугать*, описывающие внешнюю эмоциональную каузацию, в СК встречаются крайне редко и в сильно маркированных контекстах, как в (41):

(41) *Подошел, открыл дверь балкона настежь, свежестью ветра дохнуло в лицо, согнало с глаз и души помрачение, отпугнуло непонятные страхи, всякую эту чертовщину ночную*⁵⁰.

На этом фоне вполне допустимо метафорическое употребление, поскольку и в метафорических контекстах событие концептуализируется как внешняя и неагентивная каузация, как показывают и примеры (17)–(19).

Каузативный анализ также объясняет, почему даже глаголы типа *убить*, которые являются очень частотными в СК из-за их явной каузативной семантики, вряд ли допустимы в примере (42а), в то время как примеры (42б, в) являются подлинными примерами (хотя пример (42б) был взят из стихотворения):

(42) а. *??Ее убило гриппом / раком*

б. *Чуть инфарктом меня не убило*⁵¹.

в. *Грудь сдавило судорогой*⁵².

В приведенных выше примерах допустимость действительно обусловлена семантикой каузаторов: грипп и рак не могут убить неожиданно и в одно мгновение, тогда как инфаркт может, а судорога также возникает внезапно.

Однако, как было показано выше, составление списка болезней или травм, вредное воздействие которых проявляется настолько быстро, что оно соответствует конструкционной семантике СК, не было бы целесообразным. Скорее примеры типа (42) демонстрируют, что выбор актантов определяет именно семантика конструкции в целом, а не семантика отдельных лексем. Это относится ко всем лексическим единицам, используемым в СК — как к существительным, так и к глаголам, даже если лексическая семантика некоторых лексем кажется особенно подходящей в СК. Примерами таких лексем являются природные силы, такие как *ветер*, *молния*, *гроза* и т. п., а также, например, *ток* (см. раздел 1), и сильно каузативные глаголы, такие как *убить*, *унести*, *сорвать* и т. д. (см. раздел 2). Таким образом, СК являются наглядным примером известного постулата грамматики конструкций (англ. Construction Grammar) о том, что семантика конструкции превосходит значения ее отдельных компонентов.

⁵⁰ <https://bookidrom.ru/books/171198-oles-gonchar-bereg-lyubvi/toread/page-38>. Олесь Гончар. *Берег любви* (1977). В этом примере также есть непреходные безличные конструкции с творительным падежом, которые здесь не рассматриваются.

⁵¹ <https://bit.ly/2E1KKyX>. Петр Артемьев. *Сновидения петербуржца* (2007).

⁵² «Ожидание» Веки медленно опускались... Андрей Писателев | Facebook, 14.04.2018, дата обращения: 19.12.2024.

Возможно, с помощью модели каузативной цепи можно отличать именные группы с предлогом, обозначающие причину, от именных групп в творительном падеже в СК. Наиболее показательны предложения, в которых присутствуют оба элемента:

(43) *Кроме того, из-за ветра город накрыло пылью с песком*⁵³.

(44) *У наших родственников в Копейске, к сожалению, осколком стекла от взрывной волны в школе племянницу ранило*⁵⁴.

Такие случаи предполагают, что элемент, выраженный с помощью существительного в творительном падеже (здесь: *пыль* и *осколок*), выполняет семантическую роль инструмента-средства, так как он в большей степени участвует в каузативной цепи, чем элемент, обозначенный именной группой с предлогом (*ветер* и *взрывная волна*) и выступающий в роли каузатора-эффектора.

Здесь важно отметить, что каузативный анализ не означает, что именная группа в творительном падеже может быть семантически сведена к роли инструмента. На самом деле, как уже говорилось выше, творительный падеж семантически часто является творительным эффектом, а не инструмента. Другие семантические роли, такие как «средство» (англ. *means*), также могут быть рассмотрены и должны быть приняты во внимание при дальнейшем анализе. Однако очень важно, чтобы все эти роли были формально **представлены** как прототипический инструмент в переходной конструкции, в которой позиция субъекта-агенса остается пустой. Такая концептуализация имеет коммуникативные эффекты, отличающие ее от канонических активных и пассивных конструкций, лишь некоторые из которых мы могли затронуть здесь (подробнее см. [Мустайоки 2021]).

Благодаря тому, что каузативное событие без агенса-человека содержит случайный семантический элемент, СК могут применяться и в необычных контекстах без дополнительных пояснений ситуации, тогда как канонические переходные конструкции встречаются в основном вместе с дополнительной информацией. Ср. пример (45) с (15), который повторяется в (46):

(45) *Рухнувший балкон убил четырех человек во Франции*⁵⁵.

(46) *29-летнего рабочего убило балконом на стройке многоэтажки под Волгоградом (=15)*.

Эти два примера также иллюстрируют, что двусмысленность в отношении агентивности, присущая подлежащим в канонических переходных конструкциях, может быть устранена с помощью СК, в которых непреднамеренность и случайность выражаются самой конструкцией. Поскольку переходные подлежащие (прототипически) ассоциированы с семантической ролью агенса, часто можно наблюдать, что при использовании канонической переходной конструкции в типичных «стихийных контекстах» добавляются уточняющие дополнения (такие как *рухнувший* в (45) или *вытавший, выброшенный* и т. д.), которые не являются необходимыми в СК.

Наносящие вред природные события, которые часто описываются с помощью СК⁵⁶, также объясняются специфической каузативной структурой, поскольку природные силы — это один из самых ярких примеров внешних каузаторов, не являющихся людьми.

Так как СК выражают исключительно прямую каузацию, только каузатор-эффектор, действия которого непосредственно предшествуют событию, определяемому глаголом,

⁵³ <http://www.newtime.su/news/sila-stihii22/>, 23.08.2017, дата обращения: 20.09.2024.

⁵⁴ Эрдельтерьер — для тех кто любит и хочет знать! Страница 667. Форум Zoo.kZ, 18.02.2013, дата обращения: 16.08.2024.

⁵⁵ <https://lenta.ru/news/2016/10/16/francebalconcrash/>, 16.10.2016, дата обращения: 20.09.2024.

⁵⁶ Поэтому СК также называют «Adversity Impersonals» («безличные конструкции, выражающие неблагоприятные события») [Babby 1994; Kizach 2014].

может быть выражен с помощью творительного падежа. Ключевое значение имеет то, что только непосредственный каузатор должен быть неодушевленным. Как мы видели выше (в примерах (36)–(38), в каузальной цепи может появиться и человек, который, однако, не намеревался достичь результата, описанного в СК (ср. также [Мустайоки 2021: 67–69])). Событие в таком случае конструируется так, как если бы фактической причиной было средство, с помощью которого происходит изменение состояния (в наших примерах *машина*, *пуля противника* и даже *прицельное попадание бомбы*), а не человек, который инициировал событие.

В литературе также наблюдается, что СК чаще всего встречаются с глаголами совершенного вида в прошедшем времени, ср. [Green 1980: 233; Мустайоки, Копотев 2005: 12–15]. Это можно объяснить тем, что прототипически каузативные события обозначают предельные, моментальные и динамичные изменения ситуации. При описании подобных событий естественным образом предпочитается совершенный вид и прошедшее время. Противоположные примеры также обозначают внешне-каузативные события без каузатора-человека, несмотря на то что некоторые контексты требуют использования несовершенного вида и настоящего времени:

(47) *Пять человек в год убивает молнией*⁵⁷.

(48) *А Москву всё сильнее заваливает снегом*⁵⁸.

Существует интересное контекстное условие, при котором преобразование СК в каноническую транзитивную конструкцию невозможно, ср. примеры из [Green 1980: 218]:

(49) а. *Как только я услышал эти слова, меня будто огнем обожгло.*

б. **Как только я услышал эти слова, меня будто огонь обжег.*

Такие «гипотетические СК», по-видимому, не могут быть преобразованы в обычную переходную конструкцию, поскольку референциальность их каузатора сильно снижена. Это напоминает критерий Грина [Ibid.] (см. раздел 1). Снижение референциальности, очевидно, в таких случаях означает, что каузатор больше не может быть выражен как каноническое подлежащее в именительном падеже. Снижение агентивности связано со снижением референциальности, что предопределяет возможность гипотетического использования СК (но не совсем в том смысле, в котором это предполагал Грин, ср. примеры (25)–(27))⁵⁹.

Наконец, каузативный анализ может внести большую ясность в спорный вопрос о том, являются ли СК пассивными конструкциями или нет. Носители языка склонны интерпретировать их именно так, вероятно, из-за типичного для пассива понижения каузатора, который в СК и в пассиве маркируется творительным падежом⁶⁰. Как мы видели, творительный падеж регулярно встречается и в активных предложениях, в том числе как канонический падеж для выражения семантической роли инструмента в канонических переходных предложениях, которым каузатор представлен в СК. Поскольку глагольная форма явно обладает активной морфологией, ср. также [Soschen 2003: 16–24], СК следует формально описывать как активные безличные конструкции. Функционально же СК имеют много общего

⁵⁷ «Пять человек в год убивает молнией» Анна Седых на TenChat.ru, без даты, дата обращения: 20.09.2024.

⁵⁸ А Москву всё сильнее заваливает снегом. Такое бывает не часто. Или слишком много дворников уехало? | Арстайл | Дзен (dzen.ru), 18.12.2022, дата обращения: 14.08.2024.

⁵⁹ В связи с этим неудивительно, что СК обладают пониженной переходностью в смысле [Horper, Thompson 1980] по сравнению с каноническими транзитивными конструкциями, ср. особенно обзор параметров переходности [Ibid.: 252]). Ср. также [Schlund 2018b: 130–134].

⁶⁰ Вполне возможно, что использование творительного падежа в СК было усилено использованием творительного падежа для выражения агенса в пассивном залоге, ср. [Ivić 1965; Schlund 2021], но это не делает СК пассивной конструкцией.

с пассивными конструкциями, что оправдывает упомянутую выше интуицию носителей языка. С точки зрения каузативного анализа можно сказать, что прототипические каузативные ситуации учитывают как каузатор, так и пациенс. Однако в случае не-агентивной внешней каузации, как она выражается в СК, на первый план выходит либо само событие, либо пациенс, в то время как каузатор-эффектор уходит на второй план. Это еще лучше объясняет частую факультативность каузатора в СК и их сходство с пассивным залогом.

Заключение

Центральное значение каузативности для понимания СК до сих пор либо игнорировалось, либо отмечалось лишь вскользь. Например, в [Van Holk 1983; Markman 2004; Tse-dryk 2004; Lavine, Franks 2008; Lavine 2010a; 2010b; Lavine, Babby 2019] отмечается, что СК подразумевают внешнюю каузацию, но в этих работах не исследуется значение этого вывода для функционирования конструкции. В настоящей статье было показано, что последовательный анализ СК как каузативной конструкции определенного типа позволяет получить более целостное представление о формальных (например, преобладание совершенного вида глагола), семантических (например, понижение каузатора) и прагматических (например, более гибкий порядок слов) свойствах конструкции, чем предыдущие описания отдельных свойств конструкции. В своей основе СК выражают прототипические (внешние, прямые, моментальные) каузативные события, которые, однако, отклоняются от прототипической каузативности по одной — важнейшей — характеристике: в них отсутствует агенс-человек, который контролирует событие от самого начала до его специфического результата. Сама форма конструкции, несомненно, указывает на именно такую каузативную структуру, и это имеет масштабные последствия для функционирования конструкции на формальном, семантическом и прагматическом уровнях.

Изучение СК весьма актуально также с точки зрения грамматики конструкций. СК — это «нестандартные синтаксические конструкции» [Июмдин 2015: 2], поскольку они представляют собой абстрактные паттерны, которые не могут быть сведены к конкретным лексемам. Их синтаксическая структура, по сути, мотивирована стоящей над ней канонической переходной конструкцией, которая семантически и формально гораздо более универсальна, чем СК. Кроме того, существует несколько типичных реализаций модели СК, которые в силу своей частотности укоренились в сознании говорящих как коллокации или фразеологизмы. Отношения между устойчивыми СК⁶¹ и их родственными, свободными реализациями исследуются в [Гвоздкова 2024]. Подобные работы являются ценным дополнением к исследованиям взаимосвязи между идиоматикой в ее традиционном понимании и так называемой синтаксической фразеологией, представленной идиоматичными конструкциями с частично устойчивым, а частично изменчивым составом, которые в англоязычных исследованиях называются «конструкционными идиомами» (Constructional Idioms) [Booij 2002; Taylor 2002: 561–568].

Так как канонические активные и пассивные конструкции могут, конечно, тоже выражать прототипические каузативные события без одушевленного агенса, само собой разумеется, что между этими конструкциями и СК существуют отношения обмена или конкуренции. Благодаря их иконической структуре, точно передающей тип каузативности, для СК возможно добавление семантических нюансов, которые не присущи каноническим конструкциям.

Хотя СК и не каноническая конструкция, она вполне продуктивна. Это видно и по семантическому расширению конструкции от конкретно-физических до метафорических употреблений, что продемонстрировано М. В. Гвоздковой [2024].

⁶¹ Примерами фразеологизмов и коллокаций, построенных на основе СК, являются: *каким ветром кого-то занесло, кого-то ветром качает, как током ударило* и др.

Еще один центральный термин для понимания СК — это «концептуализация» (англ. conceptualization или construal): СК **концептуализируют** каузативное событие так, как если бы существовала «some unnamed entity (fate, nature, God) which has the power to wield the agent as an instrument» («некоторая неназванная сущность (судьба, природа, Бог), которая обладает властью использовать агента [в нашей терминологии каузатор или эффектор. — К. Ш.] в качестве инструмента») [Janda 1993: 162]. Этот эффект достигается за счет того, что позиция подлежащего остается пустой. Язык использует этот эффект для создания специфического каузативного значения, присущего СК. Это приводит также к типичной случайной или «судьбоносной» семантике [Lavine 2014; Lavine, Babby 2019], характерной для СК. Поскольку безличные конструкции со схожей структурой и семантикой описаны и для других индоевропейских языков, каузативный анализ может быть использован и для типологических сопоставлений⁶².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баклагова 2010 — Баклагова Ю. В. Предельность/непредельность как аспектуальный признак глагольного предиката. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2010, 12: 240–244. [Baklagova Yu. V. Telicity/atelicity as an aspectual feature of the verbal predicate. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2010, 12: 240–244.]
- Бабайцева 2004 — Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. [Babaitseva V. V. *Sistema odnosostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke* [The system of sentences with one main part in Modern Russian]. Moscow: Drofa, 2004.]
- Бессонов 2016 — Бессонов Н. Ю. Семантика каузативных конструкций с глаголами-связками: сопоставительный аспект. *Вестник московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2016, 3: 96–103. [Bessonov N. Yu. Semantics of causative constructions with copula verbs: A comparative aspect. *Moscow Univ. Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, 3: 96–103.]
- Галкина-Федорук 1958 — Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958. [Galkina-Fedoruk E. M. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in Modern Russian]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1958.]
- Гвоздев 1973 — Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II: Синтаксис. М.: Просвещение, 1973. [Gvozdev A. N. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk* [Modern Standard Russian]. Part II: *Sintaksis* [Syntax]. Moscow: Prosveshchenie, 1973.]
- Гвоздкова 2024 — Гвоздкова М. В. Особенности употребления «стихийных» конструкций в русском языке (на материале текстов XVIII–XXI веков). Магистерская дис. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2024. [Gvozdkova M. V. *Osobennosti upotrebleniya «stikhiinykh» konstrukttsii v russkom yazyke (na materiale tekstov XVIII–XXI vekov)* [The use of the elemental construction in Russian (based on the 18th–21st century texts)]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Univ., 2024.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. Зализняк А. А. М.: Языки славянской культуры, 2002, 613–647. [Zaliznyak A. A. On the use of the term “case” in linguistic descriptions. “*Russkoe imennoe slovoizmenenie*” with selected papers on Modern Russian and general linguistics. Zaliznyak A. A. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, 613–647.]
- Зорин 2011 — Зорин Р. А. Семантические факторы реализации формы творительного падежа в конструкциях типа «посевы побило градом». Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. [Zorin R. A. *Semanticheskie factory realizatsii formy tvoritel'nogo padezha v konstrukttsiyakh tipa «posevy pobilo gradom»* [Semantic factors of instrumental case expressions in constructions of the type *posevy pobilo gradom* ‘crops were hit by hail’]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow Univ., 2011.]

⁶² Ср. [Szucsich 2007; 2008] и [Schlund 2020] о безличных конструкциях, похожих на СК, в других славянских и немецком языках, а также [Lavine 2014; Sigurdsson, Egerland 2009; Schäfer 2008: 199–302] о «судьбоносной безличной конструкции» (англ. fate impersonal) в исландском языке.

- Иомдин 2015 — Иомдин Л. Л. Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой *раз*. [Iomdin I. I. Microsyntactic constructions with the Russian lexeme *raz*.] *Slavia*, 2015, 84(3): 1–16.
- Копейкин 1959 — Копейкин М. А. Синонимика безличных и личных конструкций в современном русском языке. *Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института имени В. В. Куйбышева*, 1959, 26: 213–233. [Kopeikin M. A. Synonymy of impersonal and personal constructions in Modern Russian. *Uchenye zapiski Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. V. Kuibysheva*, 1959, 26: 213–233.]
- Мразек 1990 — Мразек Р. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: Исходные структуры простого предложения*. Брно: Univ. J. E. Purkyně v Brně, 1990. [Mrázek R. *Sravnitel'nyi sintaksis slavyanskikh literaturnykh yazykov* [Comparative syntax of Slavic standard languages: Basic simple sentence structures]. Brno: Univ. J. E. Purkyně v Brně, 1990.]
- Мустайоки 2005 — Мустайоки А. *Каким ветром его занесло сюда?*: употребление русской «стихийной» конструкции в переносном значении. *Жизнь языка и язык жизни: Festschrift in honor of E. D. Suleimenova*. Шаймерденова Н. Ж. (ред.). Алматы: Казак университети, 2005, 57–71. [Mustajoki A. *Kakim vetrom ego zaneslo syuda?* 'What wind brought him here?': The use of Russian "elemental" construction in metaphorical meaning. *Zhizn' i yazyk zhizni: Festschrift in honor of E. D. Suleimenova*. Shaimerdenova N. Zh. (ed.). Almaty: Kazak universiteti, 2005, 57–71.]
- Мустайоки 2021 — Мустайоки А. Почему говорящий прибегает к «стихийным конструкциям»? *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. 2-е изд. Казаковская В. В., Воейкова М. Д. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2021, 59–86. [Mustajoki A. Why does the speaker resort to "elemental" constructions? *Problemy funktsional'noi grammatiki: Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii*. 2nd edn. Kazakovskaya V. V., Voeikova M. D. (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2021, 59–86.]
- Мустайоки, Копотев 2005 — Мустайоки А., Копотев М. В. *Лодку унесло ветром*: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции. *Russian Linguistics*, 2005, 29(1): 1–38. [Mustajoki A., Kopotev M. V. *Lodku uneslo vetrom* 'The boat was blown away by the wind': Conditions and contexts of the use of Russian "elemental" construction. *Russian Linguistics*, 2005, 29(1): 1–38.]
- Недялков, Сильницкий 1969 — Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Холодович А. А. (ред.). Л.: Наука, 1969, 5–19. [Nedjalkov V. P., Sil'nitskii G. G. Typology of causative constructions. *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969, 5–19.]
- Некрасова 2019 — Некрасова И. М. Семантика эффектора в безличных оборотах ролевого типа. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2019, 62: 121–134. [Nekrasova I. M. Effector semantics in impersonal constructions of the role type. *Tomsk State Univ. Journal. Philology*, 2019, 62: 121–134.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 1994 — Падучева Е. В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексики. [Paducheva E. V. Types of causal relations in the semantic structure of the lexeme.] *Russian Linguistics*, 1994, 18(1), 1–16.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Пешковский 1956 — Пешковский А. М. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: Учпедгиз, 1956. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow: Uchpedgiz, 1956.]
- Петров 2007 — Петров А. В. *Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка*. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. [Petrov A. V. *Bezlichnost' kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya* [Impersonality as a semantical and grammatical category of Russian]. Arkhangelsk: Pomor Univ., 2007.]
- Сальников 1977 — Сальников Н. Безличные предложения типа: «Крышу сорвало ветром». [Sal'nikov N. Impersonal sentences of the type «Kryshu sorvalo vetrom» 'The roof was ripped off by the wind'.] *Russian Linguistics*, 1977, 3: 271–292.
- Савчук и др. 2024 — Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 7–34. [Savchuk S. O., Arkhangelskiy T., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N.,

- Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 2: 7–34.]
- Сулейманова 1999 — Сулейманова О. А. *Проблемы русского синтаксиса: семантика безличных предложений*. М.: Диалог МГУ, 1999. [Suleimanova O. A. *Problemy russkogo sintaksisa: semantika bezlichnykh predlozhenii* [Issues in Russian syntax: Semantics of impersonal sentences]. Moscow: Dialog MGU, 1999.]
- Ходова 1958 — Ходова К. И. Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных предложениях. *Творительный падеж в славянских языках*. Бернштейн С. Б. (ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1958, 127–158. [Khodova K. I. Instrumental case in passive constructions and impersonal sentences. *Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh*. Bernstein S. B. (ed.). Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1958, 127–158.]
- Храковский 2021 — Храковский В. С. Опыт сопоставительного анализа причинных и каузативных конструкций. *Вопросы языкознания*, 2021, 5: 7–25. [Xrakovskij V. S. Causal vs. causative constructions: A tentative analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 5: 7–25.]
- Шелякин 2001 — Шелякин М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Русский язык, 2001. [Shelyakin M. A. *Funktional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of Russian]. Moscow: Russkii yazyk, 2001.]
- Юрченко 1972 — Юрченко В. С. *Простое предложение в современном русском языке. Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное*. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1972. *односоставное глагольное, односоставное именное*. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1972. [Yurchenko V. S. *Prostoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke. Dvusostavnoe imennoe, odnosostavnoe glagol'noe, odnosostavnoe imennoe* [The simple sentence in Modern Russian. Sentences with two main nominal parts, with one verbal part, with one nominal part. Saratov: Volga Book Publishing House, 1972.]
- Babby 1975 — Babby L. Impersonal verbs and their lexical specification. *The Slavic and East European Journal*, 1975, 19(2): 182–187.
- Babby 1994 — Babby L. A theta-theoretic analysis of adversity impersonal sentences in Russian. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 2): The MIT Meeting 1993*. Avrutin S., Franks S., Progovac Lj. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994, 25–67.
- Booij 2002 — Booij G. Constructional idioms, morphology, and the Dutch lexicon. *Journal of Germanic Linguistics*, 2002, 14(4): 301–329.
- Croft 1991 — Croft W. *Syntactic categories and grammatical relations. The cognitive organization of information*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1991.
- Davies 2005 — Davies L. E. *A construction-grammatical analysis of impersonalization in Russian*. Ph.D. diss. Princeton: Princeton Univ., 2005.
- Demonte, McNally 2012 — Demonte V., McNally L. Introduction. *Telicity, change, and state: A cross-categorical view of event structure*. Demonte V., McNally L. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 1–19.
- Green 1980 — Green M. C. *On the syntax and semantics of impersonal sentences in Russian: A study of the sentence type “vetrom uneslo lodku”*. Ph.D. diss. Ithaca: Cornell Univ., 1980.
- Guiraud-Weber 1984 — Guiraud-Weber M. *Les propositions sans nominatif en russe moderne*. Paris: Institut d'Études Slaves, 1984.
- Hamawand 2021 — Hamawand Z. Construal. *The Routledge handbook of cognitive linguistics*. Xu W., Taylor J. R. (eds.). London: Routledge, 2021, 242–254.
- Harves 2002 — Harves S. A. *Unaccusative syntax in Russian*. Ph.D. diss. Princeton: Princeton Univ., 2002.
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 1980, 56(2): 251–299.
- Ivić 1965 — Ivić M. On the origin of the Russian sentence type “(ego) zavalilo snegom”. *Die Welt der Slaven*, 1965, 10(3–4): 317–321.
- Janda 1993 — Janda L. A. *A geography of case semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin: De Gruyter, 1993.
- Junghanns et al. 2017 — Junghanns U., Lenertová E., Fehrmann D. Parametric variation of Slavic Accusative Impersonals. *Aspects of Slavic Linguistics. Formal grammar, lexicon and communication*. Müller-Reichau O., Guhl M. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2017, 140–165.
- Kizach 2014 — Kizach J. A multifactorial analysis of the Russian adversity impersonal construction. *Russian Linguistics*, 2014, 38: 205–211.
- Kuroda 1972 — Kuroda S.-Y. The categorial and the thetic judgement. Evidence from Japanese syntax. *Foundations of Language*, 1972, 9(2): 153–185.

- Lauwers, Willems 2011 — Lauwers P., Willems D. Coercion: definition and challenges, current approaches, and new trends. *Linguistics*, 2011, 49(6): 1219–1235.
- Lavine 2010a — Lavine J. E. Case and events in transitive impersonals. *Journal of Slavic Linguistics*, 2010, 18(1): 101–130.
- Lavine 2010b — Lavine J. E. Case and events in Ukrainian experiencer predicates. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18 (FASL 18): The Cornell Meeting 2009*. Browne W., Cooper A., Fisher A., Kesic E., Predolac N., Zec D. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2010, 285–300.
- Lavine 2014 — Lavine J. E. Anti-Burzio predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic. *Rhema. Pema*, 2014, 2: 91–106.
- Lavine, Babby 2019 — Lavine J. E., Babby L. H. A new argument for the lexical underspecification of causers. *Linguistic Inquiry*, 2019, 50(4): 803–824.
- Lavine, Franks 2008 — Lavine J. E., Franks S. On accusative first. *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL 16): The Stony Brook Meeting 2007*. Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin C. Y. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008, 231–247.
- Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions. A semantic map approach. *Impersonal constructions. A cross-linguistic perspective*. Malchukov A., Siewierska A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2011, 19–56.
- Markman 2004 — Markman V. G. Causatives without Causers and Burzio's Generalization. *NELS 34. Proceedings of the thirty-fourth annual meeting of the North East Linguistic Society. Stony Brook University*. Moulton K., Wolf M. (eds.). Amherst: Univ. of Massachusetts, 2004, 425–439.
- Schäfer 2008 — Schäfer F. *The syntax of (anti-)causatives. External arguments in change-of-state-contexts*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Schlund 2018a — Schlund K. Die Struktur von Experiencern und andere empirische Befunde zur russischen Elementarkonstruktion. *Linguistische Beiträge zur Slavistik. XXIV. JungslavistInnen-Treffen in Köln 17.–19. September 2015*. Bauer A., Bunčić D. (eds.). Bern: Peter Lang, 2018, 187–211.
- Schlund 2018b — Schlund K. A unifying approach to impersonality in Russian. *Zeitschrift für Slawistik*, 2018, 63(1): 120–168.
- Schlund 2019a — Schlund K. *The Russian "elemental construction" from a synchronic and diachronic perspective: An empirical contribution to the understanding of an impersonal construction in Slavic*. Habilitation thesis. Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2019.
- Schlund 2019b — Schlund K. Zur Informationsstruktur russischer Elementarkonstruktionen/adversativer Impersonale. *Linguistische Beiträge zur Slavistik. XXV. Jungslavistinnen-Treffen in Göttingen, 14.–16. September 2016*. Böhnisch A., Böhnisch G., Pitsch H. (eds.). Bern: Peter Lang, 2019, 187–205.
- Schlund 2020 — Schlund K. Active transitive impersonals in Slavic and beyond: A parallel corpus analysis. *Russian Linguistics*, 2020, 44(1): 39–58.
- Schlund 2021 — Schlund K. On the origin of East Slavic Elemental Constructions/Adversity Impersonals. Evidence from town chronicles of Old Rus'. *Selected Proceedings of the 14th meeting of the Slavic Linguistics Society. In Honor of Peter Kosta*. Franks S., Timberlake A., Wietecha A. (eds.). Bern: Peter Lang, 2021, 189–207.
- Shibatani 1976 — Shibatani M. The grammar of causative constructions: A conspectus. *The grammar of causative constructions*. Shibatani M. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 1–40.
- Sigurðsson, Egerland 2009 — Sigurðsson H. Á., Egerland V. Impersonal null-subjects in Icelandic and elsewhere. *Studia Linguistica*, 2009, 63(1): 158–185.
- Smith 1994 — Smith M. B. Agreement and iconicity in Russian impersonal constructions. *Cognitive Linguistics*, 1994, 5(1): 5–56.
- Soschen 2003 — Soschen A. *On subjects and predicates in Russian*. Ph.D. thesis. Ottawa: Univ. of Ottawa, 2003.
- Szucsich 2007 — Szucsich L. Nothing wrong with finite T: Non-agreeing accusative impersonal sentences. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 15 (FASL 15): The Toronto Meeting 2006*. Gołędzinowska M., Savchenko U., Compton R. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007, 417–435.
- Szucsich 2008 — Szucsich L. Evidenz für syntaktische Nullen aus dem Burgenlandkroatischen, Polnischen, Russischen und Slovenischen: Merkmalsausstattung, Merkmalshierarchien und morphologische Defaults. *Zeitschrift für Slawistik*, 2008, 52(2): 160–177.
- Taylor 2002 — Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002, 561–585.
- Tsedryk 2004 — Tsedryk E. Case and agreement in Russian adversity impersonal constructions. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 12 (FASL 12): The Ottawa meeting*. Arnaudova O., Browne W., Rivero M. L., Stojanović D. (eds.). Ann Arbor: Slavic Publications, 2004, 419–185.

- van Holk 1983 — van Holk A. G. F. Impersonal sentences in Russian and other Slavic languages. *Dutch contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 6–14, 1983. Linguistics*. van Holk A. G. F. (ed.). Amsterdam: Brill, 1983, 145–212.
- Van Valin, LaPolla 1997 — Van Valin R. D. Jr., LaPolla R. J. *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
- Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times. *The Philosophical Review*, 1957, 66(2): 143–160.
- Verhagen 2012 — Verhagen A. Construal and perspectivization. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012, 48–81.
- Wolff 2003 — Wolff P. Direct causation in the linguistic coding and individuation of causal events. *Cognition*, 2003, 88: 1–48.

Получено / received 19.09.2024

Принято / accepted 28.01.2025